

Библиографические ссылки

1. *Сухарев А. И.* Политическое становление субъектов сетевых гуманитарных взаимодействий в международных отношениях глобального мира : автореф. дис. ... докт. политич. наук. М., 2011.
2. *Медведева Т. И.* Основные методы и формы гражданской дипломатии в современном политическом процессе // *Власть*. 2007. № 4.
3. *Шершнев И. Л.* Общественная дипломатия в системе национальной безопасности России. URL: <http://rusские-fond.ru/press/articles/724> (дата обращения: 25.02.2013).

Д. И. Победаш

Уральский федеральный университет

Террористы-одиночки и виртуальные сообщества

Трагические события на Бостонском марафоне 15 апреля 2013 г. заставляют задуматься о дальнейших направлениях развития борьбы с терроризмом — чрезвычайно важной для России темы.

Усилия США в борьбе с терроризмом после 11 сентября 2001 г. были практически исключительно сфокусированы на противодействии Аль-Каиде. Стратегия национальной безопасности США от 2010 г. прямо указывает: «Мы не ведем войну против терроризма как тактики или против ислама как религии. Мы ведем войну против конкретной организации — Аль-Каиды» [1, 20]. Эту же фразу дословно воспроизводит и Национальная контртеррористическая стратегия США, опубликованная Белым домом 28 июля 2011 г. [2, 2]. Такая концентрация усилий привела, с одной стороны, к определенным успехам. Так, Соединенным Штатам удалось физически устранить нескольких лидеров Аль-Каиды, разгромить базы этой организации в Афганистане и Пакистане, не допустить совершения террористического акта на

своей территории, сопоставимого по масштабам и символичности с событиями 11 сентября 2001 г.

С другой стороны, объявленная Соединенными Штатами «глобальная война с террором», во-первых, по данным Е. Степановой из Стокгольмского института исследований проблем мира (СИПРИ), привела к многократному увеличению количества террористических актов и количества их жертв в остальном мире [3, 2–4]. Во-вторых, борьба с Аль-Каидой привела к ее децентрализации и дроблению на более мелкие группы. По мнению Эндрю Липмана, бывшего сотрудника Национального контртеррористического центра США, теракт в Бостоне, который, как он считает, вполне мог быть совершен «новой», децентрализованной Аль-Каидой, показал, насколько значительно труднее предотвратить нападения малых групп и одиночек, чем длительно планируемые широкомасштабные акты [4, 2]. Взрывы в Бостоне, как и трагические события, произошедшие в Норвегии 22 июля 2011 г., продемонстрировали также способность одиночек спланировать и осуществить действия, ведущие к массовым человеческим жертвам.

Развитие и удешевление технологий предоставляет индивидам и малым группам возможности, которые ранее показались бы фантастическими. Так, уже сейчас многие детали для автоматического стрелкового оружия можно «распечатать» на трехмерном принтере. Эту тревожную тенденцию облегчения доступа к технологиям отмечали еще в 2008 г. известные исследователи вопросов безопасности Барри Бузан и Лене Хансен, констатируя, что все более чудовищные средства убийства и разрушения становятся доступны малым группам и даже индивидам. По их словам, «не только ядерное оружие становится все более доступным. Индивиды могут без особых усилий и затрат создавать и распространять вирусы, как биологические, так и компьютерные» [5, 270]. Указанное распространение разрушительных технологий, скорее всего, необратимо. По мнению Б. Бузана и Л. Хансен, оно может даже вызывать серьезные сомнения в дальнейшем развитии демократии и управляемости общества [Там же].

Примечательно, что, как указывает Д. А. Нечитайло, радикальные исламисты еще в 2005 г. предлагали принять на вооружение метод «индивидуализации джихада», когда отдельные террористы-одиночки и мелкие группы не будут иметь друг с другом никакой связи, кроме общей цели, общей идеологии. Подготовка же таких террористов должна будет осуществляться не в тренировочных лагерях, а самими террористами за счет самообразования [6, 1–3]. Причем это самообразование становится все легче получить «заочно», используя современные компьютерные технологии и доступ в сеть Интернет.

Национальная стратегия по борьбе с терроризмом, опубликованная в сентябре 2006 г., признает, что «Интернет предоставляет террористам безопасное виртуальное пространство — дешевое, анонимное, географически неограниченное и почти не подлежащее регулированию» [7, 17]. С помощью всемирной сети террористу-одиночке становится доступной техническая информация о возможностях использования источников радиоактивного излучения, взрывчатых, горючих и ядовитых веществ, информация о потенциально уязвимых объектах, информация о событиях, привлекающих большое количество людей.

Но Интернет является не просто хранилищем информации, которую могут использовать террористы. Киберпространство становится территорией, на которой складываются различные виртуальные сообщества, в том числе радикальные, экстремистские. В глобальном интернет-общении создаются дискурсивные поля, способные оказывать значительное влияние на формирование убеждений, становиться основой идентичности. Террорист-одиночка появляется как продукт виртуального сообщества, формирует свои взгляды в глобальном информационном поле, создаваемом виртуальными сообществами.

Интересно, что опасность со стороны одиночек, которые выработали свои радикальные взгляды, не выезжая в Афганистан или Пакистан, осознается. Так, в Стратегии национальной безопасности США от 2010 г. отмечается серьезная угроза, которую представляют собой «для Соединенных Штатов и их интересов

индивиды, приобретшие радикальные взгляды на территории США» [1, 19]. Признается и опасность использования террористами кибер-пространства. Однако данная опасность понимается только как кибер-терроризм, например, как попытки незаконно проникнуть в информационные сети американских финансовых, энергетических, правительственных институтов, с тем чтобы нарушить их работу. Информационные сети США признаются национальным стратегическим ресурсом, нуждающимся в защите [Там же]. Более того, сама информация определяется как национальное достояние, в декабре 2012 г. публикуется Национальная стратегия распространения и защиты информации, которая прямо говорит о необходимости государственного контроля над информацией, которая должна рассматриваться как национальное достояние и быть доступна авторизованным пользователям, отвечающим за национальную безопасность. При этом информация должна быть защищена от постороннего доступа [8, 6–7].

Возникает парадоксальная ситуация: пытаясь бороться с терроризмом на своей территории, государство усиливает контроль над своим населением, территорией, информационными сетями и технологиями, стремится контролировать и саму информацию. В то же время индивиды получают все больше возможностей участвовать в глобальных политических, культурных, информационных, экономических процессах через Интернет, без взаимодействия с государством. Таким образом, происходит одновременно расширение возможностей государства применять легитимное насилие и расширение возможностей индивида как зарабатывать деньги, так и получать доступ к информации и идеологии, ставящей под сомнение легитимность этого государства.

Подытожим: глобальная война с организованным терроризмом и распространение информационных технологий увеличивают значимость борьбы с террористами-одиночками и изолированными малыми группами. Экстремизм не только пропагандируется отдельными идеологами, но и распространяется на форумах, в блогах, комментариях пользователей, пришедших в определенное информационное поле и постоянно поддерживающих его своим

участием в складывающемся виртуальном сообществе. Следовательно, необходимо изучать виртуальные сообщества как важный элемент мировой политики, анализировать, как эти сообщества могут влиять на формирование идентичности, восприятие угроз, выбор ответов на эти угрозы.

Можно предположить, что чрезвычайно распространенные государствоцентричные подходы, основывающиеся на постулатах политического реализма, не вполне соответствуют задачам изучения современного терроризма. Вероятно, более приемлемый инструментарий могли бы предложить постструктурализм, феминизм, постколониализм, критический конструктивизм, Копенгагенская школа, поскольку, как отмечают Б. Бузан и Л. Хансен, все они рассматривают безопасность не как объективную реальность, но как дискурс, в котором вырабатываются идентичности и угрозы [5, 243].

Библиографические ссылки

1. National Security Strategy. May, 2010.
2. National Strategy for Counterterrorism. Washington, the White House. June 28, 2011. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/counterterrorism_strategy.pdf (mode of access: 02.02.2012).
3. *Stepanova E.* Terrorism in Asymmetrical Conflict : Ideological and Structural Aspects. SIPRI Research Report. No. 23. N. Y., 2008.
4. *Liepmann A.* Forget What You Think You Know // Foreign Policy. Apr. 18, 2013. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/04/18/forget_what_you_think_you_know_al_qaeda_terrorism (mode of access: 18.04.2013).
5. *Buzan B., Hansen L.* The Evolution of International Security Studies. Cambridge, 2008.
6. *Нечитайло Д. А.* Террористы-одиночки, или Эволюция вселенской борьбы. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/29-01-07.htm> (дата обращения: 07.01.2007).
7. National Strategy for Combating Terrorism. Sept. 2006. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nsct/2006/> (mode of access: 21.10.2006).
8. National Strategy for Information Sharing and Safeguarding. Dec. 2012.